

К 120 - летию

со дня рождения К. Д. Бальмонта

15 июня исполняется 120 лет со дня рождения Константина Дмитриевича Бальмонта (1867—1942), одного из самых популярных поэтов начала XX века.

Творчество Бальмонта высоко ценили многие из выдающихся его современников. Оно не было лишено общественного темперамента, о чем свидетельствует, в частности, стихотворение «Маленький султан», написанное после расправы царских палачей над студентами во время демонстрации на Казанской площади в Петербурге. Стихотворение имело антиправительственную направленность, в «Маленьком султани» современники узнали Николая II. Как известно, оно было одобрено В. И. Лениным и рекомендовано для публикации в газете «Искра».

Александр Блок называл Бальмонта «замечательным русским поэтом», «бесценным», «поэтом с утренней душой».

На долгом жизненном и творческом пути Константина Бальмонта были взлеты и падения, успехи и ошибки. Но было бы опрометчивым за неверными звуками, срывавшимися с его уст, не услышать музыку его поэзии, то «бесценное», что имел в виду Блок: искренность, непосредственность, порывы ко всему «весеннему», светлому, человеческому, что составляет основную тон его мелодичных стихов.

Предлагаем вниманию читателей «Литературной России» не опубликованную ранее автобиографическую прозу К. Д. Бальмонта и фрагменты «Моих воспоминаний о К. Д. Бальмонте» жены поэта Е. А. Бальмонт (1867—1950), которые хранятся у дочери поэта Н. К. Бруни-Бальмонт и в ЦГАЛИ. Екатерина Алексеевна была человеком большой культуры. Она знала К. Д. Бальмонта «изнутри». Ее свидетельства отличаются достоверностью и богаты фактами, которые позволяют лучше понять поэта.

ИВАНОВО

П. КУПРИЯНОВСКИЙ,
доктор филологических наук

Гравюра Н. КАЛИТЫ

Константин БАЛЬМОНТ

Имени Тани Осиповой

«П РОИДЕТ зима, придет весна, пришла весна, прошла весна». Какая несложная песенка. Уже и лето переломилось. Скоро верхушка лета. 31-е июля. Как быстро все протекает. Все в потоке. Все течет. Гераклит Лучезарный, которого слепцы наименовали Гераклитом Темным, передо мной твои блестящие слова. Певучие отрывки, долетевшие до меня из давнишней твоей изобразительно-напевной Эллады, завещавшей нам изваяния бессмертной красоты, сказания лукавства и смелости, созерцания мудрости, начатки истинного знания, с хваткою львиной, с провидческим уразумением природы вещей мира сего, — и песни Сафо, слаще которой потом не пела о женском сердце ни одна женщина, — и твои слова. Провидец, мудрейший из всех населяющих Европу людей за несколько тысяч лет. Гераклит зорко видел и то, что было в его душе, и то, что всегда творится в душе и в теле Мира. — «А от других людей ускользает и то, что в дремоте». — «От незаходящего никогда — как ускользнуть кому?» — «Воскуряющиеся души всегда становятся разумными».

Я знал такую воскуряющуюся душу, — как воскуряется аромат весеннего цветка, — как воскурнется лампада, в которой спит и золотится ладан, — как воскуряется свеча перед иконой, — как воскуряется легкая, белая дымка над утренним дугом, чтоб уплыть к другим восходящим белым хлопьям, к другим возносящимся дыханиям Земли, и чтоб сверкнуть с лазурных высей Неба мгновенной молнией. Это была, — и осталась, но ушла, — душа юной девушки. Ей был 21 год, когда она написала мне письмо, русская, но из Финляндии, и я ответил ей, и два года она была моей весной, — и в весне, и в зиме, и в лете, и в осени.

Я не видел ее никогда, но я вижу ее ясней, чем самого себя, смотря в зеркало. Я не мог увидеть ее, — я прикован своим уделом к Франции, а она была прикована к постели, и когда уже легкие совсем перестали существовать в ее раненой Судьбою груди, она еще жила духом, — как с изумлением говорил лечащий ее врач, но каждой тучке суждено уплыть, и на мгновение только сверкает молния.

На руках у своей матери, в Терюках, навеки закрыла свои земные глаза с небесным взором юная поэтесса 23 лет, Татьяна Петровна Осипова, чьи стихи вместе с моими были напечатаны зимою в «Перезвонах»*. И я знаю, что говорит мне моя вера и мудрость всех веков и народов... И не тот ли бессмертный Гераклит говорит мне, успокоительно, через века: «Человек в ночь смертную свет зажигает себе сам. И не мертв он, потушив очи, но жив. Дремля с глазами потушенными, бодрствуя, — соприкасается с дремлющим».

Я знаю, что встречу я мою Желан-

ПРОШЛА ВЕСНА

1928 год. Тихое местечко Наппбретон на берегу Атлантического океана... Здесь, на юге Франции, жил вдали от городской суеты Константин Дмитриевич Бальмонт. Кан и всегда, он много работал: переводил из болгарской, польской, чешской, сербской поэзии; готовил сборники стихов «В раздвинутой дали» (1930) и «Северное сияние» (1931)...

«В конце 20-х годов Бальмонт пережил свой последний роман. Роман этот был в письмах... Это была встреча двух родных душ, небывалая еще в жизни Бальмонта, — вспоминала Е. А. Андреева Бальмонт. — Бальмонт долго оплакивал смерть этой юной девушки и посвятил ее памяти строки «Прошла весна», исполненные нежной любви и скорби».

В письме и мемуаристке сам поэт сообщил: «...Последние 7—8 недель были для меня временем непрерывной душевной пытки. Долго рассказывать, как случилось, что юная русская девушка Таня Осипова, живя в Финляндии, в Терюках, стала неизъяснимо дорога мне. Она была поэтессой, и она была моей сказкой... Целый год моя любовь к ней и ее любовь ко мне заколдовывали смерть... Мне кажется, что мое сердце пробыло и опустошено... Я полон невыносимой тоски ко моей единственной Тане. Такой потери в моей жизни еще не было и слезам моим нет конца».

Так появились на свет страницы изысканной и выстраданной прозы Бальмонта — «Прошла весна».

Елена ГАСПАРОВА,
научный сотрудник ЦГАЛИ СССР

ную где-то в новых путях, среди звезд. Светляк находит светлянку неизбежно. Души узнают одна другую. Но нет в нашей жизни ничего тяжелее разлуки. И только сон. И только чайник. И только молитва. И только стихи.

Два года непрерывного обмена письмами, цветами, стихами. Два года лучезарная перевязь, обручившая две души человеческие. Поздней я буду говорить о стихах юной поэтессы, уже ушедшей. Мне хочется сейчас привести лишь одно ее стихотворение, присланное мне в ноябре прошлого года, но переносимое мою мысль в еще более юные дни Т. Осиповой, когда не прикованность к постели, с вечной работою мысли и созерцания, была уделом юной девушки, а то веселье, которое она в певучих строках описывает:

Я надену коньки мои звонкие,
Побегу по зеркальному льду,
И хоть льдиныгибаются тонкие,
В легком беге опору найду.

Побегу я обширной пустынею,
Там, где летом шумела вода,
Мое море любимое, синее,
Спит сейчас
под прозрачностью льда.

Начерчу я узоры касанием
Обо льды моих легких коньков,
И они мне ответят блистанием,
Перебросами искр-огоньков.

Будет петь мне мое необъятное,
Что одна я — лишь ветер со мной.
И, любуясь на солнце закатное,
Буду тихо стоять с тишиной.

Буду долго смотреть я в ту сторону,
Где сеорает Божественный Сад,
А потом с безмятежностью ворона
Возвращусь после ветра назад.

В этих строках, появляющихся в печати впервые, веяние крыльев такое, что имеющий уши, чтоб слышать, знает, что здесь пролетела вещая птица. Как же я ответил на этот шорох крыльев? Лучом отвечать надо на пение души.

Моей — не моей —
моей

Мне нравится твоя
прикосновенность сна,
Твое — всей ощущью —
внимательное зренью.
В тебе есть благовест,
а в нем есть тишина,
В кадиле звончатом
есть синева горенья.
Ты голос бывшего волнующе родной,
Ты тонкая свеча
пред темною иконой.
И я через моря иду к тебе одной,
А Море лунное —
как луч бледно-зеленый.

Мы живем в призрачно-суровые, жуткие дни. Двое хотят увидеть друг друга, и хоть в близком окружении того и другого нет к тому никаких препятствий, свидеться невозможно. Больше чем семь лесов и одиннадцать рек между свиданьем и свиданьем, и все свидания мои с Юной Девушкой прошли, как в дремоте, лишь на дорогах души, пересекаемых, тут и там, мостами-радугами песни. Две птицы так долго кличет одна к другой, что вот уж не знаешь, какая кричит и поет это птица, та ли, что кличет призывом, та ли, кто кличет откликом. Эхо бродит по лесам весной, и летом, и осенью. Говорит, не оставляя следа на

земле. Что в душе от голоса эха лесного остаются, порою навеки, стальным острием проведенные полосы.

Она писала мне о саде, которым окружен ее дом и в котором была она и ребенком, зорко приглядывавшимся к каждой травке, едва зацветшей нежными цветами, улыбочливой весной, — была и пленницей недуга, не отягавшего у нее, однако, до последних мгновений, до предельного дыхания, ее прикосновения к красоте и правде Природы, ее радования безбрежностью Мира и Жизни.

Осенью прошлого года из моего сада, которым окружен мой, — хоть временно, но мой, — дом, овеянный шумами леса и гулами Океана, я писал ей:

Не виденной,
но узанной

Вы так на меня похожи,
И так я похож на вас,
Что, верно, не в первый раз
Загорелся нам праздник Божий —
Соткать наш певучий час.
Мы раньше когда-то были
С вами в цветущем саду.
От светлой цветистой пыли,
От мотыльковых воскрылий,
От разокнувшихся лилий
Сад был в блаженном бреду.
Словно плакучая ива,
Вы наклонились красиво.
Вы были — нежная ты,
Ваш я был, твой был желанный,
Весь от тебя золотанный.
Солнце для нас с высоты
Уроки повсюду цветы.
В безднах мы встретились снова!
Мы узнали друг друга опять,
О, родная из неба родного,
На обоих — от Солнца печать.
Мы с доверием близимся снова
До единственной тонкой черты,
До державы Огня голубого.
Видишь? В самом нам небо цветы.
Там из золота кто-то лилого.
Все слилось. Это я? Или ты?

Около года тому назад, с наступлением осени всегда роковой, как и весна, для тех, кто ранен судьбою в грудь, я получил трагическую весть от самого близкого к дорогой девушке человека, — от ее матери, — что роковой исход недуга неизбежен, что Таня живет только радостью и устремленной к ней лаской — больше ничем. Всю силу, всю нежность, весь волю благоую, всю власть заклинания я устремил в далекий малый финский домик в саду, и надо ли говорить, что она, далекая, стала моей единственной мечтой? Не сосчитаны мною напевы, которые я к сердцу внимающему устремил, не сосчитаны слова, которые нужны душе от души. Это о ней и к ней звенела струна в моей поэме «Их перстень»:

Свежий ветер,
влажный воздух возле волн,
Ах, Тристан, тебя кладу
я в черный челя,
Ах, Тристан, морская — верная вода,
Будешь ты
с твоей Изольдой навсегда.
Разве ключ не верно
входит в свой замок?

* «Перезвонки» — журнал, издававшийся в Риге.